

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Рухмакова Матвея Игоревича на тему «Восприятие блаженного Августина в истории русской религиозно-философской мысли второй половины XIX – первой половины XX вв.», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности

5.7.2. История философии

Представленное к защите диссертационное исследование написано на тему, которая какое-то количество лет назад могла показаться не вполне актуальной, однако сегодня, по-видимому, ее актуальность не вызывает сомнений. Действительно, востребованность наследия блж. Августина не ослабевает со временем, а, судя по всему, только возрастает. Это связано, кроме прочего с тем, что концептуальный язык отца древней Церкви в каком-то смысле предвосхищал язык Нового времени, что обнаруживает себя прежде всего в его опоре на интроспекцию и устремленность к встрече с Богом в глубинах человеческого я. Таким образом, смена философских парадигм, настигшая христианское богословие с приходом эпохи модерна, в наименьшей, может быть, степени затронула его тексты, не нуждающиеся в силу этого в принципиальном «переводе» с «обезличенного» языка античной философии.

В связи со сказанным возрастает значимость и «русской августианианы», при всей скромности ее масштабов по сравнению с грандиозной августианианой Запада. Интерес интерпретаций, предложенных русскими мыслителями преимущественно второй половины XIX – первой половины XX вв. заключается прежде всего в том, что на Августина они смотрят не с западной – все равно католической или протестантской – точки зрения, и даже не с точки зрения наследников греко-византийской культуры,

а под углом зрения традиции, с одной стороны – православной, а с другой, – гораздо более близкой к западному миру, чем греческая.

Сказанное не означает, конечно, что русскими авторами дана была наконец-то объективная оценка наследию и личности епископа Гиппонского. Многие из них были достаточно пристрастны к нему (что косвенным образом также свидетельствует о его актуальности). И все же это была та точка зрения, которая способствовала возникновению некоторой стереоскопии в двухмерной католико-протестантской оптике взгляда на отца Церкви.

Важно также, что в русской традиции практически параллельно возникают две линии его прочтения: светскими и церковными авторами, представителями философского дискурса и духовно-академической науки.

Наконец, именно в русской традиции формируется универсальный историософский проект, глобально альтернативный Августину «*De civitate Dei*» – проект соловьевского богочеловечества, снимавший противопоставление небесного и земного града и заменявший непостижимую власть Божественного Промысла выверенной философской триадой Гегеля.

Русская августианиана, конечно, уже не раз привлекала внимание исследователей, но работы эти по сей день носили преимущественно обзорный характер. Точно также не обойдены были вниманием сами по себе и русские философы и богословы, писавшие об Августине, тем более, что среди них мы встречаем имена кн. Е. Трубецкого, о. Сергия Булгакова, Л. П. Карсавина, И. В. Попова, В. Н. Лосского и других известнейших авторов, однако их отношение к Августину рассматривалось скорее косвенным образом при анализе их наследия в целом. На этом фоне научная новизна предлагаемой диссертации заключается прежде всего в том, что она как бы увеличивает масштаб анализа и, ограничив круг авторов, сосредотачивается на более подробном, чем это было сделано ранее, рассмотрении их работ, обозначивших в свое время значительные вехи русской августианианы.

Диссертация состоит из трех глав, введения и заключения. Введение содержит все необходимые для этого раздела диссертационного исследования пункты: актуальность, постановка проблемы, обзор научной литературы по теме, определения объекта, предмета цели и задач исследования, научная новизна, тезисы, выдвигаемые на защиту, данные об апробации работы автором.

Первая глава должна рассматриваться как вводная, так как сообщает предварительные – и содержательно, и хронологически – сведения об истории присутствия и рецепции блж. Августина в России. Сперва она знакомит нас с отношением к наследию блж. Августина в восточно-христианской традиции в целом, затем – с историей его переводов на славянский / русский язык, начиная с известной «Книги св. Августина», и появлением, наконец, сознательного интереса к его идеям в XVIII – первой половине XIX вв.

Вторая глава посвящена анализу восприятия Августина в работах двух русских философов-правоведов Б. Н. Чичерина, уделившего епископу Гиппонскому серьезное внимание в своем университетском курсе по философии права, и Е. Н. Трубецкого, защитившего по проблематике *De civitate Dei* свою магистерскую диссертацию «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке». Третья глава посвящена прочтению блж. Августина профессором МДА, крупнейшим патрологом этого времени И. В. Поповым.

В Заключении подводятся итоги работы и делаются необходимые выводы.

Главной заслугой автора следует признать, как я уже отмечал, предпринятое им в диссертации «укрупнение масштаба» в рассмотрении избранных авторов. Особенно интересным в этом отношении выглядит в работе раздел, посвященный диссертации кн. Е. Н. Трубецкого, с подробно

изученной и описанной историей ее создания, тех откликов, которые она вызвала у современников и того влияния, которое она оказала на дальнейшее развитие темы.

Диссертация написана хорошим русским языком, изложение материала следует признать логичным и последовательным, выводы – соответствующими предшествующему анализу. Но как всегда диссертация имеет и некоторые недостатки, которые у диссертанта, впрочем, есть все шансы преодолеть в ходе дальнейшей научной работы.

К числу буквально единичных и тем более огорчительных стилистических огрехов следует отнести, напр., явно неудачный перевод евангельского выражения «великая вечеря» как «большой ужин» (с. 110). Вряд ли также известный гимн «Te Deum» можно назвать «латинизированной версией Символа Веры» (с. 45). Из дальнейшего, правда, становится ясно, что эту атрибуцию следует усвоить скорее Симеону Полоцкому, чем самому автору диссертации, однако тем более не стоило прибегать к ней несколькими страницами ранее «от первого лица».

Но это, конечно, мелочи. Более серьезными представляются следующие моменты. Если нижняя хронологическая граница диссертации вполне корректна, то верхняя – середина XX в. – вызывает недоумение, поскольку основной текст диссертации оканчивается, о чем уже было сказано выше, анализом докторской диссертации И. В. Попова, защищенной, как известно, в 1917 г. Если же автор хотел хронологическими рамками обозначить границы предпринятого им предварительного общего обзора, то тогда следовало бы и нижнюю грань переместить в XVI век.

Следующее замечание касается выбора изучаемых авторов. С одной стороны, на основе проделанного исследования диссертант делает, по-видимому, логичный вывод о том, что общая тенденция развития интерпретаций Августина в русской традиции двигалась «от философско-

политического к научно-историческому» (с. 233) ракурсу, с другой, – этот вывод выглядел бы гораздо более фундировано и значимо, если бы диссертант предварительно показал, что на него не повлияла некоторая нерядоположность избранных авторов. Ведь если работы Чичерина и Трубецкого посвящены Августиновой историософии, то Попов пишет своего рода гигантские пролегомены к богословию западного отца Церкви в целом. Если первые два автора принадлежат к светской, то третий – к духовно-академической традиции. Возможно, диссертация выглядела бы более цельно, если бы третьим ее «героем» был избран, например, не раз упоминаемый диссертантом известный историк В. И. Герье, также написавший обширную монографию, посвященную Августину и его *De civitate Dei*; или напротив того более подробно кроме Попова был бы представлен еще один из представителей духовно-академической традиции. Наконец, диссертация только выиграла бы, если бы автор более смело обнаруживал свою точку зрения на исследуемые им тексты, что позволило бы, очевидно, прийти и к более значимым выводам. Сейчас же эта точка зрения иногда растворяется в многообразии высказанных современниками и учеными мнений, которые обильно цитируются в диссертации, что само по себе недостатком, конечно, вовсе не является.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.2. История философии (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5, 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова. Диссертация оформлена согласно приложениям № 8, 9 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени

кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Рухмаков Матвей Игоревич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент:
кандидат теологии (б/звания)
декан богословского факультета, заведующий кафедрой практического богословия богословского факультета образовательного частного учреждения высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

ХОНДЗИНСКИЙ
Павел Владимирович,
прот.

20.03.2026

Контактные данные:
тел.: +7 (495) 114-50-69, e-mail: bf@pstgu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
26.00.01 – Теология

Адрес места работы:
127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1,
образовательное частное учреждение высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет», богословский факультет, деканат, кафедра практического богословия
Тел.: +7 (495) 114-50-69; e-mail: bf@pstgu.ru

Подпись П.В. Хондзинского удостоверяю:

Хондзинский Павел Владимирович
Д.Р.

март 2026 г.

